

во; их опыт должен быть обязательно учтен учеными других советских республик, работающими над проблемами этнической истории. Вместе с тем можно высказать и несколько критических замечаний и пожеланий в адрес самих эстонских коллег. Самое главное из этих замечаний относится к слабому освещению этнической истории эстонцев в XIII—XVII вв., когда археология уже молчит, а этнография еще почти ничего не говорит. Здесь особенно необходимы анализ письменных памятников, привлечение к работе историков «в узком смысле слова», т. е. специалистов, работающих над памятниками этого рода. А историки в Эстонии (как, впрочем, почти всюду) в разработке проблем этнической истории участвуют пока очень мало. Использование исторических письменных источников дало бы возможность эстонским ученым в большей мере, чем это сделано сейчас, связать этническую историю своего народа с его социально-экономической историей. Статья Х. А. и А. Х. Моора, публикуемая в настоящем номере журнала, показывает, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Они должны быть доведены до современности: этническая история любого народа не заканчивается в средние века, но продолжается и в наши дни. Национальная консолидация — это и есть этническое развитие, происходящее в наше время; изучение его — одна из самых актуальных задач советских историков и в первую очередь этнографов. Надо надеяться, что в решении и этой задачи эстонские ученые окажутся в первых рядах.

Н. Чебоксаров

Л. Ю. Янитс. *Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР)*. Таллин, 1959, 380 стр. + 68 рис. + XXXV таблиц.

Рецензируемая книга — первый обобщающий труд по неолиту Эстонской ССР. До последнего времени изучению памятников, характеризующих древнюю историю Эстонии (в отличие от памятников более позднего периода), не было уделено достаточного внимания. Довольно суммарные и неотчетливые представления об этом длительном и важном периоде древней истории страны слагались лишь на основе случайных находок. Целеустремленные исследования в этом плане отсутствовали, что, естественно, не позволяло высказывать сколько-нибудь полные и обоснованные суждения. Впервые за решение этой важной проблемы взялись археологи Советской Эстонии.

Таким образом, сам факт появления данной книги — несомненно, важное событие в истории развития археологической науки не только Эстонии, но и, в большой мере, всего Советского Союза. Очень существенно при этом, что автор книги является вместе с тем и автором произведенных за последние годы раскопок неолитических поселений, которые и послужили основным материалом для обобщающих положений и выводов.

Читателю, познакомившемуся с содержанием указанной книги, становится ясно, что оно значительно шире весьма скромного ее названия, поскольку автор при использовании археологических источников и в своих выводах далеко выходит за пределы очерченной им территории — приустья р. Эмайыги. Он пользуется всеми известными к настоящему времени неолитическими памятниками Эстонии, давая их характеристику в главных чертах. Более того, также в сжатом виде им приведены и основные сведения о неолитических памятниках смежной территории — Латвии и Литвы.

Книга состоит из девяти глав.

Глава I (вступление) характеризует состояние изученности памятников эпохи неолита и раннего металла в досоветской Эстонии и попытки осмысления этих материалов отдельными археологами. Автор вскрывает политическую направленность сделанных ими выводов, обусловленных социальной принадлежностью этих археологов, вышедших из немецкого дворянства, как тенденциозное стремление показать отсталость местной культуры и приписать все достижения благотворному влиянию Запада.

Глава II посвящена описанию природной среды приустья р. Эмайыги. Автор показывает, что исследованные им памятники, использованные в качестве основных в этой работе, — Акали и Кулламяги — расположены на невысоких «болотных холмах», возвышающихся не более 0,5 м над большим пространством заторфованного болота. Время возникновения поселений относится к суббореальному периоду, о чем свидетельствует анализ пыльцы и состав фауны.

Глава III характеризует поселение Акали, открытое в 1937 г. и исследованное в последующие годы (1949—1952 гг.), причем в общей сложности была вскрыта площадь, равная 515 м². В процессе раскопок выявлена стратиграфия памятника, которая положена автором в основу классификации археологического материала.

Глава IV посвящена описанию поселения Кулламяги, открытого в 1939 г. и исследованного в 1949, 1951 и 1952 гг., площадь которого равна 224 м². Отличие его от поселения Акали выражается в стратиграфии (культурный слой представляет песок вместо торфа), в меньшем количестве и однородности находок. Устанавливается, что Кулламяги было заселено людьми несколько позже, чем Акали.

В главе V дается краткий обзор поселений III — II тысячелетий до н. э., известных в настоящее время в Эстонии и на смежных территориях — в Латвии и Литве.

Глава VI содержит описание вещественного материала и сопоставление его с материалом других стоянок Эстонии и Латвии, причем в основу классификации положен стратиграфо-топографический принцип. Особое внимание уделяется керамике, которая делится автором на пять последовательно хронологических групп: 1) керамика нарвского типа; 2) ямочно-гребенчатая, с пятью подгруппами; 3) текстильная, с тремя подгруппами; 4) шнуровая и 5) керамика эпохи раннего металла, с двумя подгруппами. Для прочего вещественного материала — каменных, костяных орудий и янтарных украшений, встречающихся на поселениях Акали и Кулламяги, также устанавливается хронологическая последовательность на основании глубины залегания этих предметов в различных горизонтах культурного слоя.

В главе VII («Хронология») суммированы выводы, вытекающие из анализа материала, описанного в предшествующих главах. В существовании поселений Акали и Кулламяги устанавливаются отдельные этапы.

Первый — наиболее древний этап существования представлен керамикой нарвского типа. Приведенная ниже таблица показывает, что этот этап датируется первой половиной III тысячелетия до н. э. В начале второго этапа появляется ямочно-гребенчатая керамика, в развитии которой выделяются три стадии. В целом этот период датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. Третий этап совпадает с третьей стадией ямочно-гребенчатой керамики. Форма орудий во многом сохраняет прежний облик. Данный период датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. В четвертом этапе ямочно-гребенчатая керамика заменяется текстильной и шнуровой. Автор считает вполне вероятным появление в этот период древних бронзовых предметов. Этот этап поселений совпадает со второй половиной II тысячелетия до н. э. Пятый и последний этап, характеризующийся господством керамики эпохи раннего металла (с отпечатками ткани и легкой штриховкой), датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.

В главе VIII автор делает попытку восстановить характер хозяйства и формы общественных отношений древних обитателей приустья реки Эмайыги. Исходя из топографии поселений, остатков фауны и анализа орудий, автор делает заключение, что основной хозяйствы были рыболовство и охота.

Материал более поздних этапов поселения не дает вещественных доказательств наличия новых форм хозяйства. Однако, привлекая материал других памятников Эстонии, автор заключает, что предпосылки для занятия первобытным животноводством и земледелием на поселениях Акали и Кулламяги сложились уже на четвертом этапе их существования.

Жители обоих поселений составляли одну родовую группу, которая не была, однако, изолированной. На основании материала устанавливается наличие связей с племенами Валдайской возвышенности, Карелии, Приладожья, Финляндии и более южными территориями. Автор высказывает предположение, что общественно-экономические отношения этого времени развивались в направлении от матриархального к патриархальному родовому строю.

В главе IX и последней делается попытка установить этническую принадлежность древнего населения, оставившего после себя археологические памятники. Наибольшую сложность в этом отношении представляет мезолитический памятник Кунда. Сопоставление его с памятниками Польши, Литвы, Финляндии и Урала приводит к заключению, что население древнего поселения Кунда сложилось из этнически разнородных элементов, слившихся в культурном отношении. Население последующего этапа — владельцы керамики нарвского типа — вероятнее всего пришло из Прикамья. Различие между данной керамикой и последующей — ямочно-гребенчатой — приводит автора к заключению, что племена с ямочно-гребенчатой керамикой проникли на территорию Эстонии извне — либо из Приладожья, либо с территории, примыкающей к Эстонии с юга.

Начиная с этого времени, Эстония и Латвия остаются непрерывно заселенными, причем археологические памятники показывают непрерывное развитие культуры вплоть до укрепленных поселений I тысячелетия до н. э. Некоторое своеобразие керамики территориально различных, но хронологически близких памятников указывает в известной мере на наличие племенных групп.

Племена, употреблявшие шнуровую керамику, — пришельцы с юга — были, по-видимому, раннебалтийскими (литовско-латышскими). В течение длительного времени они существовали рядом с племенами ямочно-гребенчатой керамики, сохраняя, по-видимому, мирные отношения, в которых немалую роль должен был играть обмен. Позднее различия в форме хозяйства были нивелированы. Во II тысячелетии в Восточную Прибалтику проникли новые племена, для которых были характерны бомбовидные сосуды. По всей вероятности, они пришли с восточной территории Верхнего Поволжья.

Историческое развитие племен западной и северной Эстонии шло в общих чертах параллельно и в связи с развитием племен юго-западной Финляндии; по-видимому, между ними существовала и этническая близость. В заключительной части главы автор делает вывод, что предки прибалтийских финнов и балтийских племен обитали в Восточной Прибалтике (а также в Финляндии) уже в эпоху неолита.

Таково в общих чертах краткое содержание рецензируемой книги. Даже из столь сжатого перечня вопросов видно, что автор поставил и в основном разрешил важную

задачу обобщить весь материал по неолиту и раннему металлу Эстонии. Вместе с тем он постарался не только тщательно описать и систематизировать памятники, но и заставить их рассказать о живых людях, некогда обитавших на данной территории. В описании и анализе материала, несомненно, чувствуется серьезный исследователь, исходящий в своих выводах из фактов. Автор поступил правильно, назвав последующую за неолитом стадию развития общества «эпохой раннего металла» (термин, казавшийся до недавнего времени однозным), так как он точнее, чем другие, отражает существо происходившего процесса на территории, удаленной от центров добычи медных руд, — лесной полосе Европейской части СССР.

Вместе с тем считаю необходимым отметить и некоторые выводы автора, вызывающие возражения или требующие более развернутых доказательств. К числу их относятся следующие.

1. Не подвергая сомнению правильность принципа хронологического членения археологического материала на основе глубины залегания его в культурном слое, все же хотелось бы для поселений Акали и Кулламяги иметь несколько более веские доказательства. Следует пожалеть, что поселения, стратиграфия которых положена в основу хронологической периодизации всего археологического материала, распаны лишь в столь незначительной степени (Акали 3%, Кулламяги 2% всей площади), тем более, что раскопки произведены не сплошной площадью — обычный для нас методический прием, — а шурфами и траншеями, не связанными друг с другом (Акали — 23 шурфа, Кулламяги — 21 шурф). Учитывая структуру культурного слоя (Кулламяги — песок, Акали — болотная почва) и сравнительно незначительную мощность его (от 60 до 80 см в Акали и от 15 до 60 см в Кулламяги), нельзя не предположить, что находки могли легко перемешиваться, в особенности если принять во внимание, что на поселения люди ходили, копали ямы для костров или хозяйственных сооружений, вследствие чего более поздние вещи могли в ряде случаев оказаться внизу, и наоборот. Показательными в этом отношении являются коггевидные долота, один из самых оригинальных видов инвентаря. Исходя из глубины залегания и сочетания их с другими предметами, автор рецензируемой работы считает, что они появляются с самой ранней керамикой — нарвской и с ямочно-гребенчатой, потом исчезают, чтобы появиться снова со шнуровой и текстильной керамикой. Из наблюдений над данной категорией орудий, встречающихся в других поселениях, этого не вытекает.

2. Наиболее ранний этап заселения Эстонии (мезолитический) автор называет культурой Кунда-Суомусъярви, основываясь на хронологической и относительной территориальной близости памятников (Кунда — Эстония, Суомусъярви — Финляндия). Однако он не делает даже попытки подтвердить свой вывод фактами. А вместе с тем это весьма важное заключение требует серьезных обоснований, поскольку вещественный материал стоянки Кунда и стоянок Суомусъярви столь несходны между собой.

3. В заключительной части работы автор выдвигает интересные положения о происхождении керамики нарвского типа с Камы, а керамики типа Сперрингс — с Урала. Оба эти вопроса, несомненно, очень сложные и вместе с тем очень существенные, так как речь идет о возникновении наиболее ранней керамики лесной полосы Европейской части СССР. Особенно большой интерес за последнее время вызывает у археологов занимающихся неолитом не только северным, но и южным, появление керамики типа Сперрингс. Автор выводит нарвскую керамику из Камы, но не говорит при этом, с каким материалом камских стоянок мы можем сопоставить столь оригинальную керамику, как нарвская. По всей вероятности, это произошло потому, что в действительности такие стоянки на Каме пока неизвестны.

Придерживаясь точки зрения происхождения керамики типа Сперрингс с Урала автор также не аргументирует свое мнение. Я отмечаю это здесь не с целью опровергнуть данную точку зрения (которую сама высказывала в порядке гипотезы много лет назад), а лишь для того, чтобы подчеркнуть, что весьма сложный вопрос о происхождении керамики Сперрингс и в настоящее время требует еще тщательных изысканий, поскольку против данного утверждения существует немало возражений.

Это необходимо учитывать, так как в нашей литературе нередки факты, когда мимоходом высказанное и недостаточно фундированное решение сложного вопроса принимается другими исследователями как результат глубокого анализа и затем данная точка зрения на значительное время укореняется в науке.

4. Большое достоинство работы — обилие таблиц, карт, иллюстраций, но хотелось бы пожелать на будущее более высокого качества изображения кремневых орудий — освобождения их от ненужных деталей, затрудняющих восприятие.

Совершенно очевидно, что рассмотренная нами работа в целом чрезвычайно важна и интересна. Это первый марксистский обобщающий труд по наиболее древнему периоду истории Прибалтики, показавший, что эта территория не только была издавна обитаема людьми, но и что племена, жившие здесь, развиваясь поступательно прогрессивно, создали самобытную культуру, по своему уровню не ниже культур соседних племен.

Особо следует отметить отчетливо выраженное в работе стремление объективно выделить факты, свидетельствующие о большой общности культуры этих племен и племен восточной территории.